

Л 62

0.9

31841

Мурка

ДЕТСТВО

Лирика

Великой отечественной войны

Рисунки
А. СУРИКОВА

Государственное Издательство Детской Литературы

ИЗД РСФСР

Москва 1943 Ленинград

31841.

Константин Симонов

СУРОВАЯ ГОДОВЩИНА

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем:
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.
Еще такой суровой годовщины
Никто из нас не знал за жизнь свою,
Но сердце настоящего мужчины
Лишь крепче закаляется в бою.
В дни празднеств, проходя перед тобою,
Не думая о горестях войны,
Кто знал из нас, что будем мы судьбою
С тобою в этот день разлучены?..
Так знай же, что в жестокий час разлуки
Лишь тверже настоящие сердца,
Лишь крепче в клятве могут сжаться руки,
Лишь лучше помнят сыновья отца.

Все те, кто праздник наш привык с тобою
В былые дни встречать у стен Кремля,
Встречают этот день на поле боя,
И кровью их обагрена земля.
Они везде: от пламенного Юга,
От укреплений под родной Москвой,
До наших мест, где северная вьюга
В окопе замедляет с головой.
И если в этот день мы не рядами
По праздничным шагаем площадям,
А, пробивая путь себе штыками,
Ползем вперед по снегу и камням,
Пускай Информбюро включает в сводку,
Что нынче, лишних слов не говоря,
Свой штык врагу втыкая молча в глотку,
Мы отмечаем праздник Октября.
А те из нас, кто в этот день в сраженье
Во славу милой родины падет, —
В их взоре, как последнее виденье,
Сегодня площадь Красная пройдет.
Товарищ Сталин, сердцем и душою
С тобою до конца твои сыны,
Мы твердо верим, что придем с тобою
К победному решению войны.
Ни жертвы, ни потери, ни страданья
Народную любовь не охладят —
Лишь укрепляют дружбу испытанья,
И битвы верность русскую крепят.

Мы знаем, что еще на площадь выйдем,
Добыв победу собственной рукой,
Мы знаем, что тебя еще увидим
Над праздничной народной рекой.
Как наше счастье, мы увидим снова
Твою шинель солдатской простоты,
Твои родные, после битв суровых
Немного постаревшие черты.

Константин Симонов

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

Друзья мои! Все, с кем сойдясь на час,
Всю жизнь живут, о них не забывая;
Все, с кем на жизнь и смерть повсюду нас
Сводила за год дружба фронтовая;

Товарищи, все, кто, стране верны,
Стать в трудный час солдатками сумели,
Все, кто впервые, в первый день войны,
Как я, шинель солдатскую надели,

И ты, конечно, ты, моя любовь,
Ты, нежная, далекая, родная,
Которую в последний день я вновь,
Как всякий день, сегодня вспоминаю.

Да, мир жесток, и сломан наш уют,
И полземли горит в огне пожаров,
Но так же всё на Спасской башне бьют
Часы двенадцать медленных ударов,

И тот же всё над грохотом атак,
Над вековой Кремлевскою стеною,
В свободном небе самый гордый флаг
Горит над самой гордою землею.

Все вынесших, ничто нас не согнет,
В нас мужество взлелеяли походы,
В огне боев прожившим трудный год,
Нам этот год зачтется за три года.

Мы научились пламенно дружить
И слабодушьё называть изменой.
Мы научились жизнь свою ценить
И отдавать за дорогую цену.

Мы научились молча умирать —
Победы только кровью покупают.
Но если это смертью называть,
То что ж тогда бессмертьем называют?

Год сорок первый — год больших утрат,
Не раз мы с горем были в нем знакомы.
Не все из нас придут домой назад,
Не всех ушедших вновь дождутся дома.

Какое ж слово все-таки найти,
Чтоб было всех нужней оно и выше,
Чтоб всех, кто разлучен, под ним свести,
Как под одною новогодней крышей?

Да, мы нашли его! Да, вот оно,
Звучащее, как праздник и награда.
Пусть в этот день оно у нас одно:
Раз есть оно — нам слов других не надо.

Победа! — в дальнем Мурманске гремит...
Победа! — степь колышет под Ростовом...
Победа! — вот что нас соединит,
Всю нашу жизнь одним расскажет словом.

Как на мече, на нем соединим
Мы в дружной клятве крепнущие руки.
Мы в эти дни навек сроднились с ним
И никогда не будем с ним в разлуке.

С победой старый год перешагнем,
С победой дальше ринемся мы в новом.
Как первым словом, год мы им начнем
И им же кончим, как последним словом!

А. Твардовский

НОВОГОДНЕЕ СЛОВО

Когда их пёсья кровь стократ
За нашу отольется,
Тогда, мой друг, товарищ, брат,
У всех у нас, как говорят,
Что вспомнать найдется.
И кто б рассказ ни начал тот
Друзьям, родным иль детям,
Он эту ночь под Новый год
Особенно отметит.
И, видя лиц недвижный круг,
Там — хочешь иль не хочешь —
И ты, мой брат, товарищ, друг,
Коснешься этой ночи.
Расскажешь ты, как снег бежал
В степи пылью сыпучей,
Как ты в ту ночь бочком лежал
У проволки колючей.
Иль, укрываясь за щитком,
Работой руки грея,
Ее под энским городком
Провел на батарее.
Иль полз товарищу помочь,
Что звал тебя чуть слышно.
Иль с кухней мучился всю ночь,
Чтоб каша лучше вышла.

Иль заступал в ту ночь на пост,
А то шагал с колонной,
Иль под обстрелом ладил мост,
Противником сожженный.
Иль из села пришлось тебе
Той ночью немца выбить
И — ради праздника — в избе
С хорошим дедом выпить.
Или, врага держа в виду,
Сидел под звездным кровом,
В разведку в старом шел году,
А воротился в новом...
А то с полком — вперед, вперед,
Сквозь дым и гари запах —
Ты этот праздник, Новый год,
Все дальше нес на запад.
Огнем, клинком врага крушил,
И там, в зарницах боя,
Чернели остовы машин,
Раздавленных тобою...
И, тронув, может быть, усы,
Ты непременно вспомнишь
Тот миг, как ты достал часы
И увидал, что полночь.
И ты подумал о семье,
О дочке или сыне,
О всей своей родной земле,
О родине — России.

В те дни она, в снегах бела,
Во мгле, в дыму морозном
Вставала, смерть врагу несла, —
Бил час расплаты грозной...
И на земле — в стране любой
Примера не найдется
Любви и верности такой
И веры в полководца...
Да, так ты мог в огне босв
Подумать и сегодня
О том, что памятно без слов, —
О ночи новогодней...
Когда их пёсья кровь стократ
За нашу отольется,
Тогда, мой друг, товарищ, брат,
У всех у нас, как говорят,
Что вспомнать найдется.

А. Твардовский

ОКТЯБРЬСКОЕ ПИСЬМО

Родная мать, не знаю, где ты ныне, —
Впервые так за много, много лет, —
Но, как всегда, к октябрьской годовщине
Сыновний, добрый шлю тебе привет.

Мать, не спеши считать меня убитым
И никого из младших сыновей.
Пусть лучше враг — жестокий и несытый,
Пусть лучше он в обочине размытой
Уткнется в глину мордою своей.

Пусть трупами своими по дорогам
Гатит он гати и мостит мосты,
Пусть смерть ему у каждого порога
Готовит деревянные кресты...

Где ты ни есть, услышь мой голос прежний, —
Хоть на пути, хоть не в родной избе —
Услышь привет мой праздничный, мой
нежный,

Пускай его, как людям зарубежным
В былые годы, — нынче шлю тебе.

И пусть в тот край не ходит наша почта
И нынче там слышна чужая речь, —
Мои слова, как лист в осенних почках,
Ты затаишь и будешь их беречь.

Где б ни была ты, женщина простая,
Старуха-мать в своей большой семье, —
Верь, под тобой земля твоя родная
И праздник твой проходит по земле.

И сколько б горьких ни было известий,
Знай, сила наша грозная жива.
Всё в напряженьи боя, всё на месте —
И родина, и Сталин. И Москва.

Маргарита Алигер

БОЙЦУ

Как бы ни была родина велика,
Помни, где ты родился и рос,
Как текла, извивалась родная река
Мимо ласковых, тихих берез.

Вспомни русскую песню какую-нибудь,
Ту, что пели и бабка и мать,
От которой теплом наполняется грудь
И становится легче дышать.

Вспомни дом, что окошками зорко глядел
На поля, на луга, на сады,
Где состарилась мать, где отец поседел,
Подрастающим сыном горды.

Неужели тебе на скамью не присесть
У порога в отцовский дом?
Понимаешь, ведь это как раз и есть
То, что родиной мы зовем.

Вспомни рощицу ту, вспомни лавочку ту,
Где впервые ты милую ждал,
Загорелую, в ситцевом платье мечту
В первый раз ты тогда целовал.

Неужели волос ее, губ и глаз
Ты на свете уже не найдешь?
Понимаешь, ведь это и есть как раз
То, что родиной ты зовешь.

А врагу твоему это все нипочем,
Ненавидит он счастье твое.
Если родину ты не закроешь плечом,
Он сожжет и растопчет ее.

Ты лишишься родимого крова навек,
Не найдешь ни родных, ни друзей.
Потерявший родину человек —
Ничего нет на свете страшней.

Человек, осененный лучом штыка,
Пусть в сраженьях не дрогнет твоя рука.
Вспомни все, что навеки любимо тобой,
Перед тем, как выходишь в бой.

СТОЛИЦА

В полночь, опаленную огнем,
Я осталась с городом вдвоем.
Были ели тихие видны
У зубчатой каменной стены.
Были слышны выстрелы вдали,
В облаках крестом лучи плыли.
Вот патруль проехал на конях,
Приминая тени на камнях.
За рекой шумел Нескучный сад.
И жемчужный свет застыл кругом.
И висел вверху аэростат,
Как в аквариуме голубом...
Мы и раньше проходили тут,
Видели, как здания растут.
Но сейчас особенно близка
Эта площадь, улицы, дома.
Но сейчас мой город — ты, Москва —
Это сердце, это жизнь сама...
Капитана понимаю я,
Он не покидает корабля.
Капитана понимаю...

Константин Симонов

А. Суркову

**
*

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измерянный больше, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Дорожная пыль вдалеке завилась.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь наверное, все-таки родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша, изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть, одетый старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

Мы вас подождем, говорили нам пажити,
Мы вас подождем, говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
У нас на глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился,

За то, что сражаться на ней мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Пимен Панченко

ВОЗВРАЩЕНИЕ

148/16
Медноствольный, как вылитый, высится бор,
На опушке цветов голубеет ковер,
Солнце смотрится в зеркало синих озер, —
 Это ты, моя Беларусь!

Вот и яблони посеребрила роса,
И серпом над долинами месяц встаёт.
Наших нив налитых молодая краса
Наших девушек в поле зовет.
 Это ты их зовешь, Беларусь!

Мною пройдено много военных дорог —
И тебя неизменной я в сердце сберег...

Бой крепчает...
И скоро к тебе я приду,
Я к груди наболевшей твоей припаду.

Я всему поклонюсь, что топтали враги.
К старой хате спеша, я ускорю шаги
По дорогам твоим, Беларусь!

Только горько подумать, родимая, мне,
Как в глаза я взгляну истомленной стране.
Буду хату искать — ее бомба скосила,
Кликну старую мать — отзовется могила
На погосте, где ворон на старой сосне.

Что ж, какой ты ни будешь — и в пепле руин
Я узнаю тебя, твой вернувшийся сын.
Перенесшая ужасы горестных дней,
Ты мне стала, страна моя, трижды родней.

Залечу твои раны,
Осушу твои слезы
И расправлю любовно каждый листик березы.
Подниму я из пепла гранит городов,
Насажу молодые побеги садов,
Чтобы вечно цвела,
Чтобы к счастью пошла
Ты, родная моя Беларусь!

Зинаида Шишова

УКРАИНА

Мамо моя, ненько Украина —
Теплая родимая страна!
Мы с тобой не раз уже встречали
Трудные большие времена.

Мы с тобой не раз переносили
Непереносимую беду —
Много мы с тобою повидали
В черном восемнадцатом году.

По шляхам твоим просторным волки
Рыскали прожорливой ордой,
Буксы под составами дымились,
Под твоей пшеницей золотой.

Скот ревел, что немцы угоняли,
Виселицы выстроились в ряд.
Ночью за карательным отрядом
Проходил карательный отряд.

Двадцать взяли к немцу-коменданту...
Матери стояли у ворот.
— Кто останется в комендатуре?
Кто из двадцати домой придет?

Прятались девочки в кукурузе,
Кони обрывали поводя.
Поплыла мужицкой красной кровью
На ставках стоячая вода.

Двадцать взяли к немцу-коменданту,
Двадцать к водокачке повели.
«Богу, — говорят, — прифет снесите
От сфоей украинской семли...»

Мамо моя, ненько Украина!
Крепко в пальцы застучала кровь,
Судорогой поднялась от сердца
Страшная, как ненависть, любовь.

Мамо моя, ненько Украина!
Молнией хлестнуло по глазам.
— Вы там, хлопцы, как себе хотите,
А я жизни даром не отдам!

Слышно было — немцы закричали,
Слышно было — лопнули ремни,
За дорогой щелкнули затворы,
На дороге вспыхнули огни.

Хлопчики патроны подносили,
Старики кричали: «Гей, жена,
Выкопай-ка там обрез под клуней!»
Степь уже была черным-черна...

Как кидали немцы пулеметы!
Как они бросались до коней!
К полустанкам железнодорожным.
Пробивались в дыме и в огне...

К полустанкам железнодорожным...
Эх, была красивая езда —
Тяжело от взорванных полотен
Пятились к Одессе поезда.

Заграждали им дорогу реки,
Очи прожигали зеленыя,
Тучи, как погоня, наплывали,
Хлопцы догоняли на конях...

Ой, плохая память у германа, —
Четверть века даже не прошло,
Тополь тот еще стоит у гребли,
Где их мимо вихрем пронесло,

Где их партизаны искрошили,
В рукопашном сабельном бою...
Что же враг опять заносит лапу
Черную на родину мою?

На шляхах просторных, землях сытых
Немцу ни проехать, ни пройти,
Поднялись в чащобах партизаны,
Разбирают рельсы и пути.

Немцу ни проехать, ни пройти —
Пусть он даже в чистом поле рыщет, —
Пуля маленькая — долетит,
Пуля зрячая — она отыщет!

Трудно дышит. Дико косит глазом
Матерой остервенелый волк.
Партизаны близко! Видно сразу,
Что от этих хлопцев будет толк.

Мамо моя, ненько Украина!
Снова гневом всколыхнулась ты,
Поднялись от Дона до Гуцуля
Щорсовы Мыколины братья!

До последней, до предсмертной дрожи
Будем гада черного рубить,
Кровь свою и жизнь свою положим,
Чтоб его отбить и победить!

В. Сосюра

**
*

Не шуми ты, роца, не шуми в печали,
Что гремят орудья в мути снеговой.
Вновь весна вернется, отгрохочут дали,
Ландыши заблещут, зацветут росой.

Ой, не хмурься, друже, если сердце тужит
И на веках слезы взор туманят мне.
Облетели ветви, в поле ветер кружит,
И гудят орудья в милой стороне.
Вновь весна вернется песней соловьиной,
Переливным смехом меж ветвей густых.
Лютый враг сгинет, встанет Украина
После дней безумных и ночей глухих.

Михаил Исаковский

Отцовский дом разграблен и разрушен,
В огне, в дыму Смоленщина моя.
Кругом война. И, в руки взяв оружие,
Спешат на фронт и братья и друзья.

И горько мне, что я больной и хворый,
Что без меня идут они на бой,
На бой за родину, судьба которой
Навеки стала нашею судьбой.

Глаза мои померкли раньше срока,
Слабей, слабей заря моя горит.
И тяжелее тяжкого упрека
Нерадостное слово — инвалид.

О, если б не было его в помине!
Хоть сотни верст прошел бы я пешком,
Чтоб где-нибудь у города Медыни
Поговорить по-своему с врагом;

Чтоб за свою Смоленщину родную
Его огнем смертельным опалить,
Чтоб в русскую могилу ледяную
Загнать и сверху камень навалить!

Но мне в бою не встретиться с врагами,
В огне войны не мчаться напролом, —
Сиди, терпи, как в поле на кургане
Степной орел с простреленным крылом.

А дни бегут... А сила не вернется...
А старость бродит по моим следам...
Пусть будет так. Но все же сердце бьется,
И это сердце — без остатка — там.

Оно слышало первые удары
Стального грома вражьих батарей,
Оно вдыхало черный дым пожаров,
Оно видало слезы матерей.

Оно в себя впитало боль и стоны
Людей, сожженных на костре живьем.
И слово мести — жгучей, непреклонной —
В глухую полночь зародилось в нем.

И я, как знамя, поднял это слово,
Живое слово сердца моего.
И я зову, чтоб в дни борьбы суровой
Никто из нас не забывал его;

Чтоб вместе с ним в январские метели
Шли партизаны тайною тропой;
Чтоб вместе с ним громили вражьи цели
Артиллеристы, начиная бой;

Чтоб от него кругом земля пылала,
Чтобы врагу ни охнуть, ни вздохнуть;
Чтоб силой и отвагой небывалой
Оно бойцам переполняло грудь.

И, может быть, боец на поле бранном,
Услышав слово правое мое,
Смелей направит штык четырехгранный,
Верней нацелит меткое ружье.

И, может быть, подкараулив ката,
Не пожалеет партизан огня
И сверх всего пошлет еще гранату,
И та граната будет за меня.

А. Твардовский

ПАРТИЗАНЫ СМОЛЕНЩИНЫ

Ой, родная, отцовская,
Что на свете одна,
Сторона приднепровская,
Смоленская сторона,
Здравствуй!..

Слова не выдавить.
Край в ночи без огня,
Ты как будто за тридевять
Земель от меня.

За высокою кручею,
За чужою заставою,
За немецкой, колючею
Проволкой ржавою.

И поля твои мечены
Рытым знаком войны,
Города покалечены,
Снесены, сожжены...
И над старыми трактами
Тянет с ветром чужим
Не дымком наших тракторов, —
Вонью вражьих машин.
И весна деревенская
Не красна, не шумна.

Песня на поле женская —
Край пройди — не слышна...
Ой, родная, смоленская,
Моя сторона!
Ты, огнем оголённая
До великой черты,
Ты, за фронтом пленённая,
Оскорбленная, —
Ты!

Никогда еще ранее
Даже мне не была
Так больна, так мила —
До рыдания...

Я б вовеки грабителям
Не простил бы твоим,
Что они тебя видели
Вражьим оком пустым;
Что земли твоей на ноги
Зацепили себе,
Что руками погаными
Прикоснулись к тебе;
Что уродливым именем
Заменили твое,
Что в Днепре твоим вымыли
Воровское тряпье;
Что прошлись где по двору

Мимо окон твоих
Той походкою подлюю,
Что у них у одних...

Сторона моя милая!
Ты ль в такую весну
Под неволей постылою
Присмиреешь в плену?
Ты ль березой подрубленной
Будешь никнуть в слезах
Над судьбою загубленной,
Над могилой неубранной,
Позабытой в лесах?

Нет, твой враг не похвалится
Тыловой тишиной!
Нет, не только страдальцей
Ты встаешь предо мной,
Земляная, колхозная,
Гордой чести верна,
Партизанская грозная
Сторона!

Знай, убийца без совести,
Вор, ограбивший дом:
По старинной пословице —
Не хозяин ты в нем.

За Починками, Глинками
И везде, где ни есть,
Потайными тропинками
Ходит зоркая месть.
Ходит, в цепи смыкается,
Обложила весь край,
Где не ждут, объявляется
И карает...

Карай!

Бей, семья деревенская,
Вора в честном дому,
Чтобы жито смоленское
Боком вышло ему.
Встань, весь край мой поруганный,
На врага!

Неспроста

Чтоб вороною пуганой
Он боялся куста,
Чтоб он в страхе сутулился
Пред бессонной бедой,
Чтоб с дороги не сунулся
И за малой нуждой,
Чтоб дорога трясиною
Пузырилась под ним,

Чтоб под каждой машиною
Рухнул мост и — аминь!
Чтоб тоска постоянная

Вражий дух извела,
Чтобы встреча желанная
Поскорее была.

Ой, родная, отцовская
Сторона приднепровская!
Земли, реки, леса мои,
Города мои древние,
Слово слушайте самое
Мое задушевное.

Все верней, все заметнее
Близкий радостный срок.
Ночь короткую летнюю
Озаряет восток.

Полстраны под колесами
Боевыми гудит.
Разве родина бросила
Край родной хоть один?
Хоть ребенка, хоть женщину
Позабыла в плену?
Где ж забудет Смоленщину —
Сторону!

Сторона моя милая,
Земляки и родня!
Бей же силу посылую

Всей несчетною силою
Ножа и огня.
Бей! Вовек не утратится
Имя, дело твое,
Не уйдет в забвенье,
Высшей славой оплатится.

Эй, родная, смоленская,
Сторона деревенская!
Эй, веселый народ,
Бей!
Наша берет!

Всеволод Азаров

БРАТУ

Какою силой обладает память,
Чтоб наше горе, нашу боль сдержать,
И сколько тысяч раз
Перед глазами
Проходят те,
Кого нам не обнять.
Ты далеко,
Нет писем от тебя.
Мне кажется —
Ты маленький, ты рядом,
А ты ведешь

Смертельный шквал огня
На юге,
В черной мгле под Сталинградом.
...В мою каюту
Входит свет луны.
Глубокое дыхание волны.
Седой туман над северной водой,
Над Балтикой
Час юсени последний.
Мы дружим
С юных лет с другой волной,
С другой луной
В ветвях дубов столетних.
Ты помнишь,
Август звездами набит,
Он перевит лозою винограда.
И ветер, словно в ракушке, гудит,
А сердце камешку простому радо,
Какой-то гальке,
Глине под ногой,
Лиловым колким зарослям бурьянным.
Я вспоминаю город свой родной
И словно отдираю бинт от раны.

Отец и мать. Всегда хотелось мне,
Чтобы родных года не изменяли,
Как легкий парус на крутой волне,
Как ласточки полет над синей далью.

Акации цветут из года в год
Под окнами у нас,
И город тот же,
Но на губах
Кровавый вкус тягот.
И страшную
Тебя шатнуло дрожью.

Я знаю всё. Я знаю, чем ты жил, —
Выковывал броню, готовил бомбы,
Как враг дома кварталами сносил,
Как мать переселилась в катакомбы.
Я знаю всё. Как честно, да конца,
Шел к раненым отец под гул свинца,
И доброю улыбкою своей
И мягкими, но сильными руками
Он облегчал страдания людей.
Но кто сердцам ответит сыновей:
Что сделали враги со стариками?!
И если их корабль,
Что, может быть, —
Хотя об этом некому поведать, —
Потоплен был
Фашистскою торпедой,
То будем мы судьбу благодарить,
Что в страшный плен
К фашистским палачам
Любимые живыми не достались.

Там карточки, стихи мои остались.
Отец, я знаю, не порвал их сам.
Он их берег.
Пускай хотя б строка
К тебе дойдет, одесское подполье.
Как весточка, доставленная с воли,
Дойди, мой стих,
Мой гнев, моя тоска!
Найди слепых,
Голодных в скорбном гётто.
Ты лаской обогрей людей, приветом,
Скажи:
«Живут Москва и Ленинград,
И сыновья еще придут назад!»
Братишка мой родной, артиллерист,
Пусть мальчик ты,
Я за тебя спокоен.
Ты был в бою,
Ты слышал смерти свист.
Мсти до конца, двадцатилетний воин!
Для тех, что поседели в двадцать лет,
Пароль — «Москва» и «Мщение» — ответ!

Приду домой — быть может, дома нет.
Акацию ищу — лишь тьма и пепел.
Кричу: «Отец!» — молчание в ответ.
И только отсвет полымя над степью
На Запад путь нам будет освещать.
Я повторяю клятву: «Не прощать!»

ЗЕМЛЯКУ

Нет, ты не думал — дело молодое, —
Покуда не уехал на войну,
Какое это счастье дорогое —
Иметь свою родную сторону.

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец сажил,
Где есть, быть может, прадедов могилы,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил.

Хотя б и вовсе там бывал не часто,
Зато больней почувствовал потом,
Какое это горькое несчастье
Вдруг потерять тот самый край и дом,

Где мальчиком ты день встречал когда-то,
Почуяв солнце заспанной щекой,
Где на крыльце одною нянчил брата
И в камушки играл другой рукой,

Где мастерил ему с упорством детским
Вертушки, пушки, мельницы, мечи...
И там теперь сидит солдат немецкий,
И для него огонь горит в печи.

И что ему, бродяге полумира,
В твоём родном, единственном угле?
Он для него — не первая квартира
На пройденной поруганной земле.

Он гость не долгий. Нет ему расчета
Щадить что-либо — все как трин-трава:
По окнам прострочит из пулемета,
Отцовский садик срубит на дрова.

Он опоганит, осквернит, отравит
На долгий срок заветные места.
И даже труп свой мерзкий здесь оставит
В земле, что для тебя священна и чиста.

Что ж, не тоскуй и не жалея, дружище,
Что отчий край лежит не на пути,
Что на свое родное пепелище
Тебе другой дорогою итти.

Леонид Первомайский

ПУТЬ

Я помню сердцем город за Днепром,
где плыл по небу месяц, как паром,
где шелестели в яворах сады,

где осенью кленовый лист кружил,
где и мои впечатаны следы, —
тот милый край, где я любил и жил.
Где этот город? Нет его. Над ним
холодный сумрак, тишина и дым.

Я проезжал тем городом в ночи.
Ни огонечка в окнах, ни свечи.
И был лишь слышен рев грузовика
да месяц из-за тучи выплывал.
Всю славу, что сулили мне века,
я б за огни в том городе отдал.
Полузакрытых фар сырая муть...
Какой холодный и тревожный путь!

Какой холодный и тревожный миг!
Какую боль внезапно я постиг!
Еще лежат над водами мосты,
еще блестят песчинки под луной,
но это сон, и ты уже не ты,
и мир лежит вокруг тебя иной.
Все изменилось: запахи, цвета,
и ты не тот, и жизнь твоя не та.

Не так давно я в этих был местах.
Весна бродила в молодых полях.
А нынче кто бредет по степи той?

Кто спит у этих выбитых дорог?
О чем поют столбы над головой?
И кто вчера о том подумать мог?
Пришла гроза, гремит недобрый гром
над всем твоим покоем и добром.

Отвечу я ударом на удар.
Я слышу рев покинутых отар.
Из милых сел вдоль черных смятых нив
выходят люди, без дорог, вперед.
И ветер ночи, пламя подхватив,
павлиний хвост пожара развернет.
Над степью поднимается туман.
В леса уходит хмурый партизан.

Товарищ давний мой, пойдем, пойдем!
Вернемся мы в родной наш край, в наш дом.
И будет снова в окнах свет зажжен,
и мы пойдем на зов родных огней,
и мы опять обнимем наших жен,
пускай родят нам новых сыновей.
Для них одних нам суждено пройти
ночных боев железные пути.

Мне суждено пройти сквозь эту ночь
и холод этой правды превозмочь,
затем что я мужчина и солдат.
Пора, пора! Пробил великий час.

Кто взял винтовку, не свернул назад,
кто на плечо надел противогаз,
пусть знает тот, пусть твердо верит тот:
дорогой горя к счастью он идет.

Товарищ давний мой, пойдем, пойдем!
Вернемся мы в родной наш край, в наш дом.
Когда не я, то, может, ты придешь
и дверь мою решишься отпереть,
мои огни в моем доме зажжешь
и песнь мою осмелишься допеть.
Так пой и знай, что я нашел в бою
и славу, и любовь, и честь свою.

И. Тихонов

1919—1941

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожара в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!

Без песен, без слов, без кручины —
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели, —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
— Умрем, не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не дадим... —
И теми людьми мы гордимся,
Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова стучат,
И снова сверкает оружие
В твоих августовских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженьи сражаться
За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатой острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд
И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.

И вот от истока до устья
Невы пронеслося, как гром:
— Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!

Ольга Бергольц

СЛОВО МАТЕРИ

Сентябрь 1941 года. Враг у
ворот Ленинграда. Ленинград-
цы строят баррикады.

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Возлюбленная русская страна.

Я, мать, благословившая на славный,
На ратный подвиг сына своего, —
Я говорю сейчас с тобой, как с равной,
С высоко поднятою головой.
Кронштадтский злой, неукротимый ветер
В мое лицо закинутое бьет,
В бомбоубежищах уснули дети,
Ночная стража встала у ворот,

Над нами реет смертная угроза.
Бессонны ночи, тяжек день любой,
Но мы забыли, что такое слезы,
Что называлось страхом и мольбой.

Мы зубы сжали, тесно стали рядом,
Мы все отныне — кровная родня.

— Войди в мой дом, защитник Ленинграда,
Вот хлеб — возьми, погрейся у огня.
У нас на строгих, опаленных лицах
Не страх, а гнев и ненависть горят.
Я говорю тебе — мы будем биться,
Мы не сдадим фашистам Ленинград.

Я говорю — нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады,
Мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
И дети нам патроны поднесут,
И надо всеми нами зацветут
Старинные знамена Ленинграда.

Руками сжав обугленное сердце,
Такое обещание даю
Я, горожанка, мать красноармейца,
Погибшего под Лугою в бою.

Мы будем биться с яростною силой,
Мы одолеем бешеных зверей,
Мы победим, — клянусь тебе, Россия,
За всех осиротевших матерей.

Ольга Бергольц

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Декабрь 1941 года. Идет пятый месяц блокады. Фашисты жестоко бомбят город. Хлебная норма уменьшена до 125 граммов.

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
Сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
О желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода, —
Полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа,
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке!
Бедный ленинградский ломтик хлеба,
Он почти не весит на руке.
Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слушать свист, —
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви!
Столько, что минутами, в смятенье,
Ты сама себя не узнаешь:

— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, еще немного,
День придет, над нашей головой
Пролетит последняя тревога
И последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
Нам с тобой покажется война
В миг, когда толкнем рукою ставни,
Сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
Полнится покоем и весной.
Плачьте тише, смейтесь тише, тише, —
Будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
Темнозолотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
Будем пить румяное вино.

А тебе, — да ведь тебе ж поставят
Памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
Облик твой запечатлят простой.
Вот такой же — истомленной, смелой,
В насгоро повязанном платке,

Вот такой, когда под артобстрелом
Ты идешь с кошолочкой в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
Будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия,
Стой же и мужайся, как она.

Л. Кахиев

ДРУГУ

Пока ты жил в своем ауле,
Бомбили Лондон и Москву,
И корабли в морях тонули,
И люди падали в траву.
Но год прошел — и нету года,
Насторожился твой аул...
Кавказец, любишь ты свободу?
К ней немец лапу протянул.
Сулит он голод нам и горе,
Он наших мучает детей.
Ты думаешь, боится гор он?
Нет, только стойкости твоей.
Ты думаешь, горы громада
Спасет тебя, твои края?
Нет, только выдержка твоя
Ему, проклятому, преграда!

А. Сурков

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

Грузно катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад, —
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей.
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых заводских громад
Он защищал Сталинград.

Танк на него надвигался рыча,
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, сплеча
Танки гранатой разил.
Пулю за пулей, снаряд за снаряд,
Он защищал Сталинград.

Просто солдат, лейтенант, генерал,
Рос он в грозе боевой.

Там, где в огне металл умирал,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придет — рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапки снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Якуб Колас

НА РАЗОРЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Земля моих предков в тумане густом,
Он черной повис пеленою.
То раны дымятся на теле родном,
Истерзанном дикой ордою.

В развалинах, в прахе лежат города,
А сёла — одни пепелища,
Где ветер гуляет и стонет беда
В разрушенных, скорбных жилищах.

Смерть бродит по краю. В полях и лесах
Могилы всё гуще и гуще...

Вот всхлипнули реки, как вдовы в слезах,
Заря потускнела над пущей.

...Здесь все так знакомо: реки поворот
И голые сучья березы...

Кто горе измерит, кто слезы сочтет,
Сиротские, горькие слезы!

Земля моих предков! В неволе глухой
Ты смертную муку узнала.

Проклятье бандитам, всей нечисти той,
Что славу разбоем снискала.

Земля, расступись, отомсти, покарай
За раны свои и мученья.

Сынов своих верных зови, поднимай
На правое дело отмщенья.

Пускай сатанеет и рвется вперед

Фашистская черная сила,

Я верю, я знаю, конец ее ждет

В земле моих предков — могила.

А. Сурков

ПОД РЖЕВОМ

Завывают по-волчьи осколки снаряда
В неуютном просторе несжатых полей.
Но, когда на минуту замрет каноида,
В небе слышен печальный крик журавлей.
Вот опять — не успели мы с летом проститься,
Как студеная осень нагрянула вдруг.
Побурели луга, и пролетная птица
Над окопами нашими тянет на юг.
На поляне белеют конские кости.
В клубах черного дыма руины видны.
Не найдете вы нынче, залетные гости,
На просторной земле островка тишины.

А. Яшин

ПРЕДАТЕЛЬ

Он знал, что его жена проклянет,
Сорвет фотографию со стены,
Всю ночь проревет,
Весь день проревет,
Ее отлучит от себя народ, —
Не пожалел он своей жены.

Он знал, что застонет от лютой тоски
И грохнется на пол седая мать,
Но встанет,
Смахнет слезу со щеки
И «сукиным сыном», сжав кулаки,
Родного сынка начнет называть.

Родитель — старик крутой и прямой,
Как пьяный, придет от соседей домой:
Под старость бесчестья ноша тяжка, —
Не пощадил он и старика.

Не пощадил ни отчего крова,
Ни друга родного,
Ни края родного.

Он знал, что забудут дети отца,
И это не тронуло подлеца.
По их слезам
В предвечернюю мглу
Он, бросив окоп, перешел к врагу.
А мы лежим под шрапнельным дождем,
Под ветром, под снегом.
Земля — что лед.
Но мы поклялись, что с мест не сойдем,
А если сойдем,
То пойдем вперед.

На наше упорство,
На нашу жизнь
Без страха, родной народ, ложись!

Мы тоже вдали от своих семей,
Едим на ходу
И спим в полусон,
В ночной темноте покурить не смей,
В засаде не кашляй —
Лежи, онемей, —
И мы ненавидим таких, как он.

Убейте его!
В полях, в сосняках
Из тысяч должны вы его узнать.
Не наша ли кровь у него на руках?
Кривит ему губы животный страх,
Он глаз от земли не смеет поднять.
Он жить хотел для себя одного.
Найдите его,
Затравите его!

Победа придет в огне и в дыму, —
Не всем суждено до нее дожить.
Так разве позволим трусу, ему
Осесть на готовое в нашем доме?!
Клянемся:
Тому никогда не быть.

Не пустим его на свое торжество.
Поймайте его!
Приколите его!

Иван Нехода

Я СОХРАНЯЮ ОТ КВАРТИРЫ КЛЮЧ

Я шел на фронт и, как в былые дни,
Захлопнул форточку, стряхнул полоску пыли,
Сказал своим соседям, чтоб они
Белье забрать у прачки не забыли,
Замкнул квартиру и ушел на фронт.
В пути припомнил, что забыл в портфеле
Диплом, что надо сделать бы ремонт, —
Углы еще весною отсырели.
Так было летом. Цел ли ныне дом?..
Быть может, в комнатах рвались снаряды..
Зима в пути. Январским синим днем
По городам проходят снегопады.
Метель... И в поле замедает след
Моей мечты, дорог к родному дому.
Пять месяцев ни встреч, ни писем нет,
Потерян след любимых и знакомых.
Прошли мы все атаки, все бои,
Не знали женской нежности сердечной.

Но что страданья, горести мои?
Они, как жизнь снежинки, скорогечны —
Вдруг упадет на кожи теплоту,
И нет ее — растает на лету.
Мы были в городе разрушенном, а там
Ходила смерть... Бежали иноземцы.
Свои дома припоминались нам,
Но в них еще хозяйничают немцы.
Я комнату свою припоминал
Там, в Киеве, на улице Бульонской,
Где Андерсен мне сказки рассказал,
С Карениной там расставался Вронский,
На стенке Горький с трубкою в зубах,
«Березовая роща» Левитана.
Неужто все то превратилось в прах
И немцы хлещут водку из стакана?
Там я писал и думал. Летним днем
Читал Катулла лирику и Шелли...
Так трепещите! Мы на вас идем!
От дома ключ — у каждого в шинели.
Не отдадим домов своих тепло,
Земли ж отпустим только на могилы,
Чтоб их навеки снегом замело,
Одни собаки чтоб над ними выли.
И выйдет снова солнце из-за туч,
И славе быть. И дню быть золотому...
От комнаты я сохраняю ключ.
Я верю, скоро снова буду дома!

Леонид Елисеєв

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Обычный день. Весенний день войны.
Сейчас бы почкам наливать соком.
Но череп ствол обугленной сосны,
Еще недавно стройной и высокой.

Обычный день. И, может быть, сейчас
Грачи бы на опушку прилетели,
Но долгожданная ракета поднялась,
И враз три батареи загремели.

И, может быть, об этом дне весны
В вечерней сводке и не написали,
Но мы еще версту, до сваленной сосны,
Пусть голой, но родной земли отвоевали.

Е. Долматовский

ЛЕЛЕКА

Середина двадцатого века.
Полпланеты войною гремит.
И летит вдоль дороги лелека,
Украинская птица летит.

Что летишь ты за нашей колонной,
Оставляя гнездо на трубе,
Или хаты в долине зеленой
Показались чужими тебе?

Серым танком прибита пшеница,
И воронка, и выдолблен шлях.
Улетает печальная птица,
Наш уют унося на крылах.

Нет у нас ни покоя, ни дома,
Маки в поле цветут не для нас.
Льшь раскат орудийного грома
Будет голосом нашим сейчас.

Птица счастья! Тебе непонятно
Отступление наше! Ну что ж,
Будет день, ты вернешься обратно
И разбитую хату найдешь.

Пусть вода станет красною в реках,
Смерть пусть ходит по нашей судьбе,
Чтобы вновь прилетела лелека
И свивала гнездо на трубе.

Шейхи Маннур

**
*

Над окопом иней серебрится.
Лишь минута отдыха пришла,
Снежный ветер — ледяная птица —
Обжигает холодом тела.

Пусть крепчает, стужей ледяною
По ночам сводя врагов с ума,
Вражьи глотки пусть забьет пургою
Русская жестокая зима.

Пусть она в полях засыплет тропы,
До костей проймет врагов в бою,
Чтоб могилой стали им окопы,
Чтоб в сугробах смерть нашли свою.

Пусть идет она, свистя и воя
На просторах родины моей,
И врагам возмездие святое
Принесет за слезы матерей.

Но для нас приход ее не страшен —
Мы дружны с ней долгие года.
Пламя ненависти в сердце нашем
Нам не даст замерзнуть в холода!

Из далеких заимок таежных,
Из родимых городов и хат,
От подруг и от друзей надежных
К нам посылки теплые спешат.

Ни труда, ни крови не жалея,
Все отдаст для родины народ,
Чтобы с каждым днем, боец, быстрее
По следам врага ты шел вперед!

Чтоб нигде в просторах бесконечных,
На земле, прекрасной и большой,
Не позорил званье человечье
Варвар со звериною душой!

А. Сурков

РУССКАЯ ПЛЯСКА

Вечер был необычный, спокойный такой.
Степь лежала в молочном тумане.
Припадая к мехам загорелой щекой,
Пулеметчик играл на баяне.
Мы доверили думы стальным голосам,
И холодная сталь, как живая,
Тихо вторила гулким ворчливым басам,
Теплой грустью сердца обдавая.

Люди вспомнили сёла свои, города,
Дорогих и любимых походку.
Даже птицы примолкли в лесу. И тогда
Пулеметчик рассыпал чечотку.
И как будто бы солнце проглянуло вдруг
Меж взъерошенными облаками.
Молодой заряжающий вылетел в круг,
Приминая траву каблуками.
От ударов ладоней взлетели стрижи,
В яр забился испуганный лещий.
Ой ты, русская пляска! Живи, не тужи,
Буйну голову, парень, не вешай!
Пой, баян! Чтоб ходила земля ходуном,
Чтобы эхо нам вторило с поля.
Сынь лихую чечотку! Вейся вьюном,
Наша юность — солдатская доля.

Михаил Светлов

КАК УМИРАЮТ ГВАРДЕЙЦЫ

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу уже не раздеться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!

Звезда боевого почлега
Над нами мерцает, как раньше...
Трава! Поднимись из-под снега
Приветствовать наше бесстрашье!

С врагом до последнего биться
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут очевидцы,
Склонитесь, березы, над нами!

Идем, политруком ведомы,
К победе и смерти готовы...
Эх, жаль, что далеко до дому
И ворон — не голубь почтовый!

Подружка моя молодая,
Тебе ль оставаться вдовою?
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы, за мною!

Сибирской ночной тишиною
Покрыта Иркутская область...
За мною, гвардейцы! За мною!
На подвиг, на славу, на доблесть!

Заснежена наша избушка,
Мальчонка играет с собакой...
Гвардейцы, фашиста — на мушку!
За мною, гвардейцы, в атаку!

Мы вновь не увидимся будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлуке — минута,
А родине — все остальные!

Мы жили семьею счастливой,
Мы прожили век не скучая,
Гранат и снарядов разрывы
Гвардейскою шуткой встречая...

Все ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помягче гвардейского духа!

Друзья! Мы не будем забыты!
По капле всю кровь свою отдав,
Мы были почетною свитой
Союза советских народов!

Лети же, последняя пуля,
И в горло тевтонское внейся...
Бессмертье встает в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

ПАРТБИЛЕТ

Его нашли в ночи на поле боя.
Раскаты грома глухо улеглись.
Лишь редкой молнией голубою
вдали огни сигнальные рвались.
Полк наступал. За рощицей недалекой
в ночную мглу ряды бойцов ушли.
Мы молча шли долиною печальной,
где наши братья в битве полегли.
Боец лежал, как будто на привале,
но нам тревогой стиснуло сердца.
Склонились мы и партбилет подняли,
лежавший возле сердца у бойца.
Мы дальше шли. Ни слова меж собою.
И лишь когда зарозовел рассвет,
в степной тиши, уже привыкшей к бою,
мы молча разглядели партбилет.
Насквозь пробитый пулею лихою,
загородивши сердце, сколько мог,
он, как свидетель гибели героя,
ворвался в мир моих ночных тревог.
И долго я молчал над ним, пробитым
горячей виноградиной свинца,
над книжечкою, что в бою открытом
лежала возле сердца у бойца.

И я за ней увидел в жарком споре
и в майском нетерпении своем
волной певучей в солнечном просторе
все то, что в мире жизнью мы зовем.

Боец, порывом движимый единым,
жил молодым и умер молодым.

И, словно мать над преданным ей сыном,
склонилась тихо родина над ним.

На зов ее, ее подвластный воле,
он от беды не отвернул лица.

Так мы нашли бойца в туманном поле
и партбилет на сердце у бойца.

Товарищ мой! И мы на поле боя,
быть может, встретим свой последний час.

Встает рассвет за далью голубою,
дымок сражений обвеваает нас.

Встает рассвет, холодный, мутноватый.

За рожицей стрекочет пулемет.

И по пути бессмертья и расплаты
лавиною полки идут вперед.

Всегда вперед идти в бою открытом!

Мы поклялись сражаться до конца
над партбилетом, пулею пробитым,
что был в бою на сердце у бойца.

Степан Щипачев

О КРАСОТЕ

Его любой себе представит живо.
Он каску снял, стирает пот с лица.
И красотой особенной красиво
Лицо простого русского бойца.

Ни перед чем такой крутить не станет.
Ходил в штыки четырнадцатый раз.
Случится, смерть в глаза ему заглянет —
Он не зажмурит юных дерзких глаз.

Не памятью, а сердцем мне хотелось
Запомнить облик этого бойца.
Неразделимы красота и смелость;
Отвратен трус — пускай красив с лица.

Михаил Исаковский

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух, —
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А родину сберег.

С. Алымов

ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ

Для всех наступил испытания час —
Защитник отечества каждый.
Трус умирает тысячу раз,
Герой умирает однажды.

Для воина нет колебаний в бою,
Он смело опасность встречает.
За родину жизнь отдает он свою
И смертью жизнь не кончает.

Ничтожен, кто, в чувствах своих измельчав,
Бойтся за брненное тело.

Бессмертны герои, чей дух величав,
Как дух капитана Гастелло.

Воистину так! Двум смертям не бывать,
Одна неминуема в жизни.
Великая честь гражданина — отдать
Бестрепетно жизнь за отчизну.

Завидная доля — отчизны своей
Быть верным и преданным сыном.
Сын родины, жизни в бою не жалея,
Будь воином, будь гражданином!

И если ты гибель в сраженье найдешь,
Недрогнувшим шествуя строем, —
Ты в сердце живых никогда не умрешь,
Бессмертным ты будешь героем.

Константин Симонов

СЛАВА

За пять минут и снегом талым
Шинель запорошилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руки занеся.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути.
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода,
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.

А. Сурков

✓ ДЕВУШКА В ШИНЕЛИ

Вспомню ночь, метельную, шальную,
Вспомню домик на краю села,
Как в семью знакомую, родную
Ты в блиндаж к разведчикам пришла.
Ты вошла уверенно и просто
В круг солдатской дружбы фронтовой —
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Нас метель несла на крыльях белых
По полям заснеженным вперед.
Впереди отчаянных и смелых
Ты с гранатой шла на вражий дог.

И звенел под липами погоста
Молодой и дерзкий голос твой —
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Ты проходишь, плечи не сутуля,
Самым смелым равная в бою.
Не посмеет вражеская пуля
Посягнуть на молодость твою.
Будут помнить долго нашу поступь
Снеговые дали под Москвой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой.

Иван Беляков

СНЕГУРОЧКА

Кривая улица выходит на опушку.
Люблю я это тихое село.
Кругом снега... И крайнюю избушку
Почти до самых окон замело.
Над белой крышей белый дым струится,
Здесь старики уже немало дней
Живут одни, им по ночам не спится —
Они расстались с внучкою своей.

Она под этой крышей расцвела,
И старики печали с ней не знали.
Красавица, как снег, она бела,
Ее не зря Снегурочкой прозвали.
Но им от внучки долго писем нет,
И по ночам она все чаще снится.
И вот к ним русский школьник, их сосед,
Приходит вечером и у стола садится.
На стенке ходики стучат неугомонно,
В углу белеет печь, теплом дыша.
Любуясь мальчиком, они одновременно
Письмо Снегурочке диктуют не спеша.
Письмо отправят, снова ждут ответа
И вечерами, сидя за столом,
Часами целыми любят портретом —
Он в деревянной рамке за стеклом.
С письмом Снегурочки, уж ровно две
недели,
Портрет был прислан из далеких мест...
Под снежным деревом стоит она в шинели,
На рукаве шинели — красный крест.

КРОВЬ

Товарищ, я тебя не знаю,
Но в этот незабвенный час
Одна любовь и боль святая
Пусть навеки свяжут нас.

Под общим солнцем, общим небом
Росли и крепи мы с тобой,
Вскормленные советским хлебом,
Родной вспоенные водой.

Года над нами прошумели,
И вот мы дожили до дня,
Когда, стянув ремни шинели,
Ты вышел защищать меня.

Мой мир, мой дом, мою работу,
Мои надежды и мечты.
Моим врагам платить по счету,
Разгневанный, поднялся ты.

Я сердцем знала, сердцем знала
Судьбу достойную твою.
Я стон твой тяжкий услышала,
Когда ты ранен был в бою.

Свалился ты, изнемогая.
Вокруг тебя гудела ночь.
А я пути к тебе не знаю
И не могу тебе помочь.

Тебя к палатке лазарета
Мне на руках не донести.
Родной мой, я не знаю, где ты,
И не могу тебя спасти.

Но, вдохновленная любовью,
Высоким мужеством твоим,
Я поделюсь с тобою кровью,
Моим богатством молодым.

Пускай в твои вольются жилы,
Чтоб делу нашему служить,
Мои тревоги, чувства, силы,
Мое желанье вечно жить.

И вместе с возвращеньем к жизни
Я передать тебе смогу
Всю преданность мою отчизне,
Всю ненависть мою к врагу.

Вернешься ты на поле чести,
Пойдешь героем в новый бой,
И будем мы сражаться вместе, —
Ведь кровь моя пойдет с тобой.

ДУМА ПАРТИЗАНА

Ягода смородина,
Мох да мелколесье...
Человек без родины —
Соловей без песни.

Не шуми осокою,
Черная долина.
Там, где ель высокая,
Был мой дом с овином.

А теперь над елью той
Только дыма тучи.
У меня был сын лихой —
Немцами замучен.

Думал сын: что вишенка,
Дом вот есть с амбаром...
Ой, ты горе-лишенько —
Кровь не льется даром.

Взял я саблю звонкую,
Взял ружье, картечи...
И пошел с котомкою
Лютым снам навстречу.

Лесом да угожьями...
Смерть —
В родимом месте!
Человек без родины —
Соловей без песни.

Степан Щипачев

ПАРТИЗАНКА

Убили партизанку на рассвете.
Две ночи длились пытки и допрос.
Прощаясь, трогал подмосковный ветер
На лбу девическую прядь волос.

Исколотую прусскими штыками,
В разрушенном селенье, на краю
Мы подняли солдатскими руками,
Россия, дочь любимую твою.

В снежинках всю ее мы положили
В избе просторной посреди села.
Еще о ней мы песен не сложили,
Но жизнь ее вся песнею была.

Пимен Панченко

ПРАВНУК

Суровый час для нас теперь настал,
И старое сказанье я припомнил.
Давным-давно мой прадед в руки брал
Тяжелый кол, скрываясь в пуще темной.

И властно голос мщенья звучал,
Когда, укрывшись в зарослях зеленых,
Он наповал укладывал сплеча
Прославленных солдат Наполеона.

Со мной теперь не кол, а пулемет,
И прадеда наследие — отвага,
Она со мной теперь в поход идет,
Озарена непобедимым стягом.

Величье дел минувших не забыть —
Оно звездой становится моею.
По-партизански правнук будет бить,
Как прадед, наповал лихих злодеев.

ТРИ БЕРЕЗЫ

Вот плетень, а вот за ним и хата.
Смотрит в окна сонная луна.
Три ступеньки лесенки горбатой,
В хате спят германские солдаты.
Тишина повсюду, тишина...
А за хатой тонкие, седые
Три березы смотрят на восток.
Тихо-тихо, только часовые
Молчаливо ходят у дорог.
Три березы, три остывших трупа
И тугой намыленный каиат.
Лютый ужас подступает тупо,
Глотку жмет испуганных солдат.
Злобный ветер пошатнул березы,
Пролетел в порыве у окна.
Чудится солдатам — при морозе
Мертвые воспряли ото сна.
Жутко немцам, жутко...
Тишина...
Время шло...
И утром увидали:
Там, у хаты, около двора
Часовые мертвыми лежали —
Местью трех повешенных вчера.

Ольга Бергольц

БАЛЛАДА О МЛАДШЕМ БРАТЕ

Его свели в германский штаб,
И офицер кричал:
— Где старший брат? Твой старший брат?
Ты знаешь — отвечай! —

А он любил ловить щеглят,
Свистать и петь любил
И знал, что пленники молчат —
Так брат его учил.

Сгорел дотла родимый дом,
В лесах с отрядом брат.
— Живи, — сказал, — а мы придем,
Мы все вернем назад.

Живи, щегленок, не скучай.
Пробьет победный срок.
По этой тропочке таскай
С картошкой котелок. —

В свинцовых пальцах палача
Безжалостны ножи.
Его терзают и кричат:
— Где старший брат? Скажи! —

Молчать — нет сил. Но говорить —
Нельзя... И что сказать?
И гнев бессмертный озарил
Мальчишечьи глаза.

— Да, я скажу, где старший брат.

Он тут, и там, и здесь.

Везде, где вас, врагов, громят,

Мой старший брат — везде.

Да, у него огромный рост,

Рука его страшна.

Он достает рукой до звезд

И до морского дна.

Он водит в небе самолет,

На крыльях — по звезде.

Из корабельных пушек бьет

И вражий танк гранатой рвет, —

Мой брат везде, везде.

Его глаза горят во мгле

Всевидающим огнем.

Когда идет он по земле,

Земля дрожит кругом.

Мой старший брат меня любил,

Он все возьмет назад... —

...И штык фашист в него вонзил,

И умер младший брат.

И старший брат о том узнал.

О, горя тишина!..

— Прощай, щегленок, — он сказал, —
Ты постоял за нас. —

Но стисни зубы, брат Андрей,
Молчи, как он молчал,
И вражьей крови не жалеи,
Огня и стали не жалеи, —
Отмщенье палачам!
За брата младшего в упор
Рази врага сейчас,
За младших братьев и сестер,
Не выдававших нас!

Константин Симонов

**
*

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,

Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям на зло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой —
Просто, ты умела ждать,
Как никто другой.

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

1

Полукружьем положим выгнут
Каждой пули быстрый полет.
Если пуля меня настигнет,
Друг открытку тебе пришлет.

Под полночный грохот зенитки,
Сотрясающий ветхий вокзал,
Друг расскажет в этой открытке
Все, что я бы тебе сказал:

Как в дыму и вязком тумане
Я лишился последних сил;
Как до самой смерти в кармане
Твой портрет над сердцем носил;

Как на этом твоём портрете
Смертный след оставил металл;
Как в глухую ночь в лазарете
Друг мне письма твои читал;

Как, согретый словами твоими,
Я затих у всех на виду;
Как твое короткое имя
Называл в предсмертном бреду.

Не о смерти думают люди,
Проходя сквозь ветер атак.
Ну, а если такое будет,
Будет именно так.

2

От пушки на лугу косая тень,
Над лугом ласточки скользят легко.
Сегодня твоего рожденья день,
А ты за Камой где-то далеко.

Иван-да-марья и ромашки цвет,
И васильки в пшенице, при пути,
Нарвать бы здесь большой-большой
букет
И к изголовью тихо принести.

Поцеловать бы руку и уйти
Обратно к этим стоптанным лугам,
Да нам пока заказаны пути
С полей войны к родимым очагам.

Проснись и платье светлое надень,
Вправь в косу колокольчик голубой.
Сегодня твоего рожденья день,
Ты не одна — душа моя с тобой.

По большакам и по проселкам
Ступай в родимые края,
Вслед странникам и богомолкам,
Ты, песня, спутница моя.

Под кровом деревушек дальних
Ты словом ласковым согрей
Сердца тоскующих, печальных
Солдатских наших матерей.

По пожням, солнцем обожженным,
Пройди, касаясь трав едва,
Скажи солдатским нашим женам
Все наши нежные слова.

Стопой неслышной, на рассвете,
Войди в прохладу наших хат,
Где, разметавшись жарко, дети
Тревожно, беспокойно спят.

Встань возле них. Пусть сны дурные
Не нарушают их покой.
Погладь их волосы льняные
Заботной отческой рукой.

Тропу заветную разведав,
По древним кладбищам пройди,
Могилы прадедов и дедов
Под сенью старых лип найди.

Почти их прах земным поклоном,
Скажи, что мы на фронте, здесь,
Не оскорбим и не уроним
Оружья дедовского честь,

Что трудно нам шагать сквозь ветер,
Плоды трудов своих губя,
Но силы нет такой на свете,
Чтоб нас подмяла под себя.

Е. Долматовский

О ТВОЕЙ СЕМЬЕ

Вдали от фронтовых дорог
Есть светлоглазый городок.
Не затемняют там огней,
И ночью — света хоровод.
Я там провел не много дней,
Пока прошел апрельский лед.
Я заходил к твоей семье,
Послушай о ее житье.

Жены твоей я не застал —
Ты знаешь, там теперь завод.
Я с мальчиком твоим играл
И ждал, когда она придет.

Он теребил мои ремни —
Ему понравились они.
Он синеглаз и белобрыс,
Высоколоб, совсем как ты.
В черты его лица влились
Твои, знакомые черты.
Родившийся вблизи Карпат,
Меня он спрашивал не раз,
Когда поедem мы назад,
И я ответил — близок час!

А к вечеру пришла она,
Твоя любовь, твоя жена.
Она, усталая, вошла,
Сняла платок, подарок твой,
Кивнула гордой головой,
И стала комната светла.
Апрельский день за речкой гас,
Твой мальчик спал и видел сны,
И твой портрет смотрел на нас,
Во Львове снятый до войны.
Я рассказал, как минный залп
Тебя в укрытьe миновал,
Как между двух горящих сёл
Ты батальон в атаку вел.
Я умолчал, как ты просил,
Что ты два раза ранен был.

В углу с клубком сидела мать.
И я тебе не стану врать:
Немного сгорбилась она,
В ее глазах — туман тоски,
И поздним снегом седина
Пробилась на ее виски.

Я видел — все в доме твоём
Полно дыханием твоим,
И я не спрашивал о том,
Попрежнему ли ты любим.

Н. Одноков

ДРУГ

Где и как рождалась песня,
Я не знаю — не слышал.
Может, в тучах поднебесья,
Может, здесь — у серых скал.
Может, где-нибудь в походе,
В штыковом, лихом бою...
Только знаю, что в народе,
В дорогом моем краю.
Только знаю — сила духа,
Злая ненависть к врагам
Родила такого друга
И послала в помощь нам.

НЕОТОСЛАННОЕ ПИСЬМО

Я живу на тихой Каме,
Грустной северной реке,
В низком домике с коньками,
В захолустном городке.

Мне приходят письма редко, —
Почта медленно идет.
Молчаливая соседка
Пряжу вечную прядет.

В красных ветряных закатах
Даль закамская видна.
На конях своих крылатых
Мчится грозная война.

Узнаю ее дыханье,
Не дающее уснуть,
Слышу танков громыханье,
Наступающих на грудь.

Где ты, что с тобою, милый, —
Ничего не знаю я.
Может, раннею могилой
Обернулась жизнь твоя.

Ты в бою раскинул руки
У седых смоленских стен,
Или, раненный, на муки
Увезен в далекий плен.

За решеткою колючей
Кровью кашляешь, больной,
Накрываясь черной тучей
На постели земляной.

Может, шел из окруженья.
Месяц хлебушка не ел,
Не дойдя одной сажени,
На снегу обледенел...

Нет, я верю в нашу встречу,
Терпеливо буду ждать.
Просто, ты теперь далече,
Чтобы весточку подать.

Дом твой — псковский, или брянский,
Или новгородский бор,
И отряд твой партизанский
Собирается в дозор.

Пахнет ландышем из бора,
Облака над головой,
И когда-нибудь, — не скоро, —
Ты придешь ко мне живой!

ПОСЫЛКА

С любовью, с нежностью примерной
Сестры иль матери родной
Был этот ящичек фанерный
Отправлен женщиной одной.

В письме без штемпелей и марок
Она писала заодно,
Что посылает свой подарок
Бойцу. Какому — все равно...

И на войне, вдали от дома,
Мне почему-то сразу вдруг
Напомнил почерк незнакомый
Тепло твоих родимых рук

И очертанья каждой жилки,
Что были так привычны мне.
И радость маленькой посылки
Я ощутил вдвойне, втройне.

И я подумал, что, наверно,
И ты, как водится оно,
Отправишь ящичек фанерный
Бойцу. Какому — все равно...

В пыли, в дыму передних линий
К машине почты полевой
Придет он, весь в засохшей глине,
Чтоб получить подарок твой.

Пять раз, взволнованный до пота,
Твое письмо он перечтет.
И улыбнется, вспомнив что-то,
И губы черные утрет.

И вновь пойдет, — я это знаю, —
Поверь, жена, невеста, мать,
Поверь, страна моя родная, —
Еще храбрее воевать.

Константин Симонов

**
*

Словно смотришь в бинокль перевернутый,
Все, что сзади осталось, уменьшено.
На вокзале, метелью подернутом,
Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину, —
Ее горе отсюда невидимо;

Как и всем нам, войною, непрошено,
Мне жестокое зрение выдано.

В нем туманится наше недавнее,
Как равнина пустая и снежная,
Там не видно тебя, моя славная,
Твоих плачущих глаз, моя нежная.

В твоей страсти и горе уверенный,
Ослеплен преждевременной верою,
Я не знал, что все это отмерено
В испытаньях растаявшей мерою.

Были грустью и ревностью мелкою
Наши судьбы непрочны испытаны,
Суетливой секундною стрелкою
Были дружба и верность отсчитаны.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся,
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.

Слишком многих друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем, горем испытанном зрении.

Константин Симопов

ПИСЬМО В МОСКВУ

Я не помню, сутки или десять
Мы не спим, теряя счет ночам.
Вы в похожей на Мадрид Одессе
Пожелайте счастья москвичам.

Днем по капле нацедив баклажки,
Сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час.
Значит, вы и в эту ночь в России,
Что вам стоит, вспомнили о нас.

Может, врут поверья, кто их знает,
Но в Одессе люди говорят:

«Тех, кого в России вспоминают,
Пуля трижды бережет подряд».

Третий раз нам всем еще не вышел.
Мы под крышей примостились спать,
Не тревожьтесь — ниже или выше,
Здесь ведь все равно не угадать.

Мы сегодня выпили, как дома,
Коньяку московский мой запас;
Здесь ребята с вами незнакомы,
Но с охотой выпили за вас.

Выпили за свадьбы золотые,
Может, еще будут чудеса...
Выпили за ваши голубые,
Дай мне бог увидеть их, глаза.

Помню, что они у вас другие,
Но ведь у солдат во все века,
Что глаза у женщин голубые,
Принято считать издалека.

Мы вас просим, я и остальные,
Лучше, чем напрасная слеза,
Выпейте вы тоже за стальные
Наши, смерть выдавшие глаза.

Может быть, они у нас другие,
Но ведь у невест во все века,
Что глаза у всех солдат стальные,
Принято считать издалека.

Мы не все вернемся, так и знайте.
Но ребята просят, в черный час
Заодно со мной их вспоминайте.
Даром, что ли, пьют они за вас!

Константин Симонов

**
*

Меня просил попутчик мой и друг, —
А другу дважды не дают просить, —
Не видя ваших милых глаз и рук,
О вас стихи я должен сочинить.

Свою любовь он срифмовать не мог,
Но я свидетель — он умел скучать,
А помнить вас в разлуке — видит бог,
Трудней, чем строчки с рифмами писать

В зеленом азиатском городке,
По слухам, вы сейчас влачите дни.

Там, милый след оставив на песке,
Проходят ваши легкие ступни.

За друга легче женщину просить,
Чем самому припасть к ее руке:
Вы моего попутчика забыть
Не смейте там, в зеленом городке.

Он говорил мне, что давно, когда
Еще он вами робко был любим,
Взошедшая Полярная звезда
Вам назначала час свиданья с ним.

Чтоб с ним свести вас, нет сейчас чудес,
На край земли нас бросила война,
Но все горит звезда среди небес,
Вам с двух сторон земли она видна.

Она сейчас горит еще ясней,
Попутчик мой для вас ее зажег.
Пусть ваши взгляды сходятся на ней,
На перекрестке двух земных дорог.

Я верю вам, вы смотрите сейчас.
Пока звезда горит, он будет жить.
Пока с нее не сводите вы глаз,
Ее никто не смеет погасить.

Где юность наша? Где забытый дом?
Где вы, чужая, нежная? Когда,
Чтоб мертвых вспомнить за одним столом,
Живых сведет Полярная звезда?

Жаль, вашей тайны раньше я не знал
И, с милою простясь, как на беду,
На небесах найти ей не сказал
Меня в бою хранящую звезду.

В. Сосюра

**
*

Где небо взорвал орудийный раскат,
Там бьются за счастье мой сын и мой брат.
Они не отступят в смертельном бою
За волю, за мать, за отчизну свою.

В бою не отступит из них ни один:
Ни Игорь, мой брат, ни Олежик, мой сын!
Туда, где шаги раздаются, как медь,
К ним жаркому сердцу сквозь бурю лететь!
Как отблеск мгновенный, в грозном огне,
Олежик, недавно приснился ты мне.
И ныне я вижу, как кровью заплыл
Твой глаз и как голову бинт охватил.

Олежик, сыночек! Ты, Игорь, мой брат!
Услышьте мой голос сквозь гром канонад,
Услышьте, как плачет и крыльями бьет
Над вами горячее сердце мое.

Сергей Михалков

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Здесь, на войне, мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краев.
Дошедших писем мятые листочки
Нам дороги особо в дни боев.

Они хранят тепло родного дома,
Сопутствуя бойцу в его борьбе.
О, чувство зависти! Как нам оно знакомо.
Когда письмо приходит не тебе.

Любимая жена моя, Наташа!
От вас известий не было давно,
И наконец — письмо. Родное, ваше!
Как много радости мне принесло оно!

О, письма из дому! Мы носим их с собою,
Они напоминают нам в бою

Будь беспощаднее с врагом на поле боя,
Чтоб враг не истребил твою семью!

Мы были в городе. Как грозный знак
проклятья,
Труп женщины лежал на мостовой.
Растрезанное ситцевое платье,
Застывшая рука над головой.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь, как я, таких же лет,
Ждет от жены письма, письма из дому
От этой женщины. А писем нет и нет...

Мы были в городе развалин и воронок,
Разграбленного немцами жилья.
Я видел мальчика. Лет четырех ребенок.
Он был убит. И сына вспомнил я.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь на фронте ждет сейчас
Каракуль детских — весточки из дома
И детский незатейливый рассказ...

Мой верный друг, товарищ мой надежный!
Мы на войне. Идет жестокий бой
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб мы увиделись с тобой!

О ВЕРНОСТИ

Хорошая, любимая, родная,
Мы друг от друга далеко живем.
Гляжу на карточку — припоминаю:
Как раз перед войной снялись вдвоем.

Словами наша речь красна, богата,
И есть слова, что в бой полки ведут,
С которыми, сжав пальцы на гранатах,
Идут на подвиги, на смерть идут.

Война бушует все сильнее над нами,
Но нас не разучила и война
Хранить в сердцах — с великими словами —
Простые наших милых имена.

Чем бой труднее, чем дорога круче,
Тем вспоминаем милых мы нежней.
Они нас твердости солдатской учат
Простою женской верностью своей.

**
*

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет, на том и этом свете,
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет,
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой.
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Здесь это горе знают понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой притти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Мой дом теперь не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридевять земель, в горах Урала
Твой мальчик спит. Испытаны судьбой,
Я верю, мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата
Ему, как мне, итти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

Гафур Гулям

ТЫ НЕ СИРОТА

Разве ты сирота?..
Успокойся, родной!

Словно доброе солнце,
 склонясь над тобой,
Материнской,
 глубокой
 любовью полна,
Бережет твоё детство
 большая страна.
Здесь ты дома,
 здесь я стерегу твой покой,
Спи, кусочек души моей,
 маленький мой!
День великой войны —
 это выдержки день.
Если жив твой отец,
 беспокойная тень
Пусть не тронет его
 среди грозы и огня,
Пусть он знает:
 растет его сын
 у меня!
Если умер отец твой,
 крепись, не горюй.
Спи, мой мальчик,
 ягненок мой белый,
 усни.
Я — отец!
Я, что хочешь, тебе подарю,

Станут счастьем моим
все заботы мои.
...Что такое сиротство —
спроси у меня.
Малышом пятилетним
в десятом году
Грел я руки свои
у чужого огня,
Полуголый,
таскал по дорогам
нужду.
О, как горек
сухой подаяния хлеб!
О, как жестки
ступени
чужого крыльца!
Я, приюта искавши,
от горя ослеп,
И никто
моего не погладил лица...
Испытал я,
что значит
расти сиротой.
Разве ты сирота?
Сли спокойно, родной...

*

Пока старый охотник —
кочующий сон —

На меня не накинуд
волшебную сеть,
Гордой радости —
чувства отцовского полн,
Буду я
над кроваткой твоею сидеть,
Над головкою
русой твоей, дорогой,
И смотреть на тебя,
и беречь твой покой...
...Почему задрожал ты?
Откуда испуг?
Может, горе Одессы
нахлынуло вдруг
Иль трагедия Керчи?
И в детском уме
Пронеслись,
громыхая
в пылающей тьме,
Кровожадные варвары,
те, что тебя
Не доби́ли случайно,
живое губя.
Может, матери тело,
родимой твоей,
С обнаженными ранами
вместо грудей

И руки ее тонкой
порывистый взмах —
Предо мною
в твоих беспокойных
глазах?

*

Я припомню
дрожащие эти глаза,
Когда выйду на битву
громить палачей.
За слезу,
что по детской щеке
проползла,
За разрушенный дом,
За позор матерей —
Вырву
вражью башку
из сутулых плечей!
Этот Гитлер —
ублюдок,
не знавший отца, —
Он не матью,
подлой гиеной рождён,
Отщепенец понурый
с глазами скопца —
Цену детства
откуда почувствует он?

Этот Гитлер —

навозный коричневый жук,
Плотоядно тупые усы шевеля,
Захотел,

чтобы свой

предназначенный круг

Но желанью его

изменила земля,

Чтобы людям

без крова

по миру блуждать,

Чтобы детям

без ласки людской умирать,

Но земле выносить его

больше невмочь.

...Спи спокойно, мой сын.

Скоро кончится ночь!

*

Спи спокойно, мой сын...

В нашем доме большом

Скоро утро придет,

и опять за окном

Зацветут золотые тюльпаны

зарниц.

В домовой нашей книге

без счета страниц.

Будет славе учить она

все времена.

Открывается
именем Сталина — она!
...Улыбаешься ты,
и улыбка светла.
Не впервые ль
за долгие-долгие дни
На лице исхудавшем
она расцвела,
Как фиалка
на тающем снеге весны.
И продрогший простор
словно сразу согрет
Полусонной улыбкой
внезапным лучом.
Это — скоро рассвет.
Это — белый рассвет.
Это — белый рассвет
у меня за плечом!

Сергей Михалков

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест синие полосы
На окнах съезжившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.

И юноша в одежде рваной,
В петле, на высохшей сосне,
И чей-то грубый, иностранный,
Не русский говор в тишине...

И пёс на теплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе.

В холодном драном зинунишке
По огородам, без дорог
Бежит, торопится парнишка
По солнцу, прямо на восток.

Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.

Мать? Но она была убита.
Сестра? Она была мертва,
Телами мертвыми накрыта
На дне чудовищного рва.

Соседи? Их осталось мало.
Их с каждой ночью, с каждым днем
Все убывало, убывало...
Они не думали о нем.

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавший, как зверек,
Как долго он своим дыханьем
Озябших 'рук согреть не мог!

С рассветом обходя селенья
И полицейские посты,
Ища от Гитлера спасенья,
Ложась и прячась за кусты,

Все видевший, на все готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в темный вечер
Задержит русский часовой.

И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза:
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза

За эти месяцы страданья,
Которые равны годам...

*

Но ты, фашистская Германия,
За все сполна ответишь нам!

Детоубийцы и растлители,
Вам ничего не скрывать вовек!
Он будет первым обвинителем —
Десятилетний человек!

Иван Нехода

РИСУНОК

Письмо без слов от дочери моей
Мне всяких слов дороже и милей.
Она рисунок мне прислала свой:
Дошатаый домик, деревцо у дома
Да две ромашки на горе крутой —
Все это с детства каждому знакомо!
Клубится дым над синею трубой,
Кружочек — солнце и лучи — ресницы...
И это все письмо — весь мир ее простой.
Еще ей рано азбуке учиться,
Еще ей рано... Вечер на дворе.
В Уфе далекой дочка засыпала,
Когда под грохот вражых батарей
Мне ППС письмо ее вручала.
И я его прочел среди друзей,
Что возвратились только что из боя.
Смотрели мы. И стало нам теплей

В мороз от солнца, детскою рукою
Зажженного... О, памяти тепло!
Повсюду я ношу письмо с собою,
И если мне на сердце тяжело,
Смотрю на это солнце дорогое,
И чувствую я новых сил прибой.
Ведут меня в боях, в дыму и громе —
Дощатый домик, дерево у дома
И две ромашки на горе крутой...

Сергей Васильев

НАТАША

Мы вошли в деревню с боем на рассвете.
Надрывался ветер. Обжигал мороз.
Нас встречали с плачем женщины и дети,
белые от снега, желтые от слез.

Первая навстречу бросилась Наташа,
худенькая девочка, продранный рукав.

— Я ждала!

Я знала!

Вот листовка ваша! —

лепетала девочка, вдруг ко мне припав.
И рукой озябшей, крохотной и ловкой,
отогнула девочка шубки отворот
и дала мне в руки темную листовку,

ту, что мы бросали здесь на Новый год. Я вошел с ней в избу — холодно и пусто, только ветер воет в дымовой трубе. Ни краюшки хлеба, ни листка капусты не оставил немец в маленькой избе. Я узнал, что немцы увели с собою на глазах у девочки плачущую мать, что недавно Нату круглой сиротою хмурые соседи стали называть. А еще мне Ната робко, виновато сообщила, голову опустив слегка, что похож лицом я на родного брата, на ее любимого брата Василька. Вася-василечек, что с тобою случилось за Днепром,

за Доном

или у Двины?

Только помнит Ната, что она рассталась с добровольцем-братом в первый день войны. Я сидел с Наташей тихий и смущенный, я утер ей слезы стиранным платком, я ей хлеб намазал пожирней сгущенным, ледяным, пайковым сладким молоком. Долго мы молчали, слова избегая, облитые светом жидкого огня, а потом сказал я:

— Вот что, дорогая:
с этих пор братишкой ты зови меня!

А. Сурков

**
*

Стали в августе ночи длинные, темны.
Осень в стекла стучит дождем.
Дочка шепчет: — Мама, дойдем до войны
И его домой приведем.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет
дождь?

Заплутала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдешь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем еще крошка. Война далеко,
И тебе до нее не дойти.

Мы в письме нарисуем ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спою?
Хочешь, сказочку расскажу?

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Притаился ребенок, смолк...
— На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

По околицам наших колхозных хат
Тощий волк в темноте снует.
Гложет слабые кости малых ребят,
Кровь горячую жадно пьет.

Волк ползет по просторам твоей земли,
Хочет крови твоей добыть.
Чтобы воины наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернется домой,
Приласкает дочку свою.
Ты уснула, пушистый зайчонок мой.
Баю-баюшки, баю-баю!..

Антон Пришелец

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ...

Если девушку любишь, товарищ,
И считаешь ее своей,
Все ей сделаешь,
Все подаришь,
Позовет — и пойдешь за ней.

Остановишься у колодца.
Поздним вечером, над рекой,

Сядешь рядом, рука с рукой,
Будешь слушать,
Как сердце бьется.

Но у нас,
У меня с тобою,
Есть другая любовь,
Она
Самым нежным для нас обоих
Словом Родина названа.

Много в жизни у нас дорожек,
Счастьем родина не бедна.
Много девушек есть хороших...
Но родная земля —
Одна!

Небо кутает
Дым пожарищ,
Встали полчищами враги...
Если Родину любишь, товарищ,
Больше жизни ее береги!

Яков Хелемский

ФОТОГРАФИЯ

Ландшафт войны уныл и непригляден.
Среди бескрайных снеговых равнин,
Среди воронок, выбоин и впадин
Мелькает тень причудливых руин.

Подорванная вражеская пушка,
Пакгаузы, сторевшие дотла,
Обломок арки — тут была церквушка,
Шеренги труб — тут улица была.

Кусок стены поднялся одиноко.
Над мусором, над щебнем и золой,
Пусты глазницы высаженных окон,
Они зияют грустью нежилой.

И лишь каким-то чудом не растаяв
В немецком жадном, воющем огне,
Повисла фотография хозяев
Обрывком на обугленной стене.

И смотришь ты почти благоговейно
На тех, кого не пощадил злодей,
На клочья фотографии семейной,
На незнакомых, дорогих людей.

Твоя семья за сотни верст от боя,
И дом твой цел, снарядом не задет,
Но горсть золы лежит перед тобою,
И для тебя роднее места нет.

Да, кров твой здесь, где черен снег от пепла,
Где сытое кружится воронье,
Где, ненавистью вскормленное, крепло
И созревало мужество твое.

К. Симонов

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Вся в черных обручах меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину, такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Кусок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот, где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Итти на смерть... но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать. ,

ГОЛОС ДАЛЕКИХ СЫНОВЕЙ

Метель о бревна бьется с детским плачем,
И на море, вставая как стена,
Ревет за полуостровом Рыбачьим
От полюса летящая волна.

Бьют сквозь метель тяжелые орудья,
И до холодной северной зари
Бойцы, припав ко льду и камню грудью,
Ночуют в скалах Муста-Тунтури.

Чадит свеча, оплывшая в жестянке,
И, согревая руки у свечи,
В полярной, в скалы врубленной землянке
Мы эту ночь проводим, москвичи.

Здесь край земли. Под северным сияньем
Нам привелось сегодня ночевать.
Но никаким ветрам и расстояньям
Нас от тебя, Москва, не оторвать!

В антенну бьет полярным льдом и градом.
Твой голос нам подолгу не поймать.
И все-таки за тыщу верст мы рядом
С тобой, Москва, — отчизна наша, мать!

Вот снова что-то в рупоре сказали,
И снова треск, и снова долго ждем —
Так, сыновья твои, из страшной дали
Мы материнский голос узнаем.

Мы здесь давно, но словно днем вчерашним
Лишь от своей Москвы отделены:
Видны Кремля нам вековые башни
И площади широкие видны.

Своих друзей московских узнаем мы;
Без долгих слов, в руках винтовки сжав,
Они выходят в эту ночь из дома;
Мы слышим шаг их у твоих застав.

Мы видим улицы, где мы ходили,
И школы — в детстве мы учились в них, —
Мы видим женщин, тех, что мы любили,
Мы видим матерей своих седых.

Москва моя, военной судьбою
Мать и сыны сравнялись в грозный час:
Ты в эту ночь, как мы, готова к бою, —
Как ты, всю ночь мы не смыкаем глаз.

Опять всю ночь над нами крутит вьюга
И в скалах эхо выстрелов гремит.
Но день придет: от севера до юга
Крылатая победа пролетит!

Мы верим, что среди друзей московских
Еще пройдем по площадям твоим,
В молчании еще у стен кремлевских
Мы, слушая куранты, постоим.

В твоих стенах еще, сойдясь с друзьями,
Победный тост поднимем над столом.
И павших, тех, что нет уж между нами,
Мы благодарным словом помянем.

Мы верим в это. Мы сидим в землянке.
Снег заметает мерзлую траву.
Нам не до сна. Свеча чадит в жестянке.
Мы слушаем по радио Москву...

Михаил Светлов

САЛЮТ

К утру огонь пулеметов ослаб
И гул минометов стих...
Горе мое проникает в штаб,
Минуя всех часовых.

Командный пункт. Пустой блиндаж.
Глухой коридор земли

Безмолвен... Скажи, часовой: куда ж,
Куда же они ушли?

Черной стеной стоят леса,
Снежный лежит простор...
Ушел батальон, ушел комиссар,
Ушел генерал-майор.

Бойцам отдают последний привет,
Воздают посмертную честь.
Оркестра нет, и траура нет —
Молчанье гвардейца есть!

И это молчание, выйдя в бой,
Дивизии опередив,
Взорвется над вражеской головой,
Как ста Германий разрыв.

Мы в этих складках сомкнутых губ
Такую месть храним,
Такую боль, что нехватит труб,
Когда мы заговорим!

И в залп троекратный бойцы сольют
Ненависть, месть и боль...
Товарищ начальник! В общий салют
И этим стихам позволь!

Чтобы песня вперед устремилась,
Лобовою атакой гремела,
Чтобы все, что на мне, задымилось,
Чтобы все, что во мне, запело!

Михаил Светлов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Все, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим.

Мы пойдем путем подразделений
За воспоминаниями вслед,
Вспомним горечь первых отступлений,
Сладость завоеванных побед.

По минуте каждой повторится
Наш сегодняшний военный день,
И мгновенно память озарится
Пламенем горящих деревень.

И сквозь годы память, как начальник,
Снова поведет нас за собой,

Пробираясь темными ночами
Темной партизанскою тропой.

Вспомним, как мы время измеряли
По движенью пулеметных лент,
Как в бою друг друга не теряли
Комиссар, боец, корреспондент.

Как стихи писали, как на месте
Останавливалось перо
В ожиданье утренних известий
От Советского информбюро.

Как в окопе боевые сутки
Проводили взводом сообща,
Как шипящий круглый репродуктор
Имена героев сообщал.

В этом гуле пушечных раскатов
Никогда не забывайте их,
Навсегда на сердце отпечатав
Имена погибших и живых.

И чтоб лучше видеть это время,
Все пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Поднимите на руки детей.

Чтоб они, войдя веселым строем
В нами завоеванные дни,
Научились подражать героям,
Поступали так же, как они!

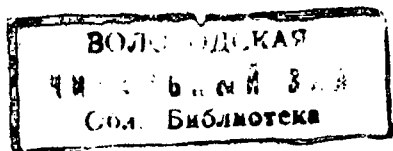

СОДЕРЖАНИЕ

К. Симонов. Суровая годовщина	3
К. Симонов. Великое слово	5
А. Твардовский. Новогоднее слово	8
А. Твардовский. Октябрьское письмо	10
М. Алигер. Бойцу	12
Е. Шевелева. Столица	14
К. Симонов. «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»	15
П. Панченко. Возвращение	17
З. Шишова. Украина	19
В. Сосюра. «Не шуми ты, роща, не шуми в печали...»	22
М. Исаковский. «Отцовский дом разграблен и разрушен...»	23
А. Твардовский. Партизаны Смоленщины	26
Всеволод Азаров. Брату	31
А. Твардовский. Земляку	35
Л. Первомайский. Путь	36
Н. Тихонов. 1919—1941	39
О. Бергольц. Слово матери	42
О. Бергольц. Разговор с соседкой	44

Л. Кахиев. Другу	46
А. Сурков. Защитник Сталинграда	47
Я. Колас. На разоренной земле	48
А. Сурков. Под Ржевом	50
А. Яшин. Предатель	—
И. Нехода. Я сохраняю от квартиры ключ	53
Л. Елисеев. Обычный день	55
Е. Долматовский. Лелека	—
Ш. Маннур. «Над окопом иней серебрится...»	57
А. Сурков. Русская пляска	58
М. Светлов. Как умирают гвардейцы	59
Л. Первомайский. Партбилет	62
С. Щипачев. О красоте	64
М. Исаковский. Здесь похоронен красноармеец	—
С. Алымов. Великая честь	65
К. Симонов. Слава	66
А. Сурков. Девушка в шинели	67
И. Беляков. Снегурочка	68
М. Алигер. Кровь	70
И. Бауков. Дума партизана	72
С. Щипачев. Партизанка	73
П. Панчеико. Правнук	74
А. Золотушкин. Три березы	75
О. Бергольц. Баллада о младшем брате	76
К. Симонов. «Жди меня, и я вернусь...»	78
А. Сурков. Солдатское сердце	80
Е. Долматовский. О твоей семье	83
Н. Одинокоев. Друг	85
З. Александрова. Неотосланное письмо	86
А. Твардовский. Посылка	88
К. Симонов. «Словно смотришь в бинокль пе- ревернутый...»	89
К. Симонов. Письмо в Москву	91
К. Симонов. «Меня просил попутчик мой и друг...»	93

В. Сосюра. «Где небо взорвал орудийный раскат...»	95
С. Михалков. Письмо жене	96
С. Щипачев. О верности	98
К. Симонов. «Майор привез мальчишку на лафете...» :	99
Г. Гулям. Ты не сирота	100
С. Михалков. Десятилетний человек	106
И. Нехода. Рисунок	109
С. Васильев. Наташа	110
А. Сурков. «Стали в августе ночи длинные, темны...»	112
А. Пришелец. Если любишь...	113
Я. Хелемский. Фотография	115
К. Симонов. Родина	116
К. Симонов. Голос далеких сыновей	118
М. Светлов. Салют	120
М. Светлов. Заключение	122

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *И. Резникова*.
Подписано к печати 7 IV 1948 г.
4 печ. л. (4,4 уч.-изд. л.). 41 280 зн.
в печ. л. Тираж 20 000 экз. Л24112.
Заказ № 3098. Цена 3 руб.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР. Москва,
Сушевский вал, 49.

Цена 3 руб.

и

А
А

П

2